

ВОЙНА

Цѣна отд. № 15 коп.

III-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

НОВЫЙ

САТИРИКОН

№ 23

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

1915

4 ЮНЯ.

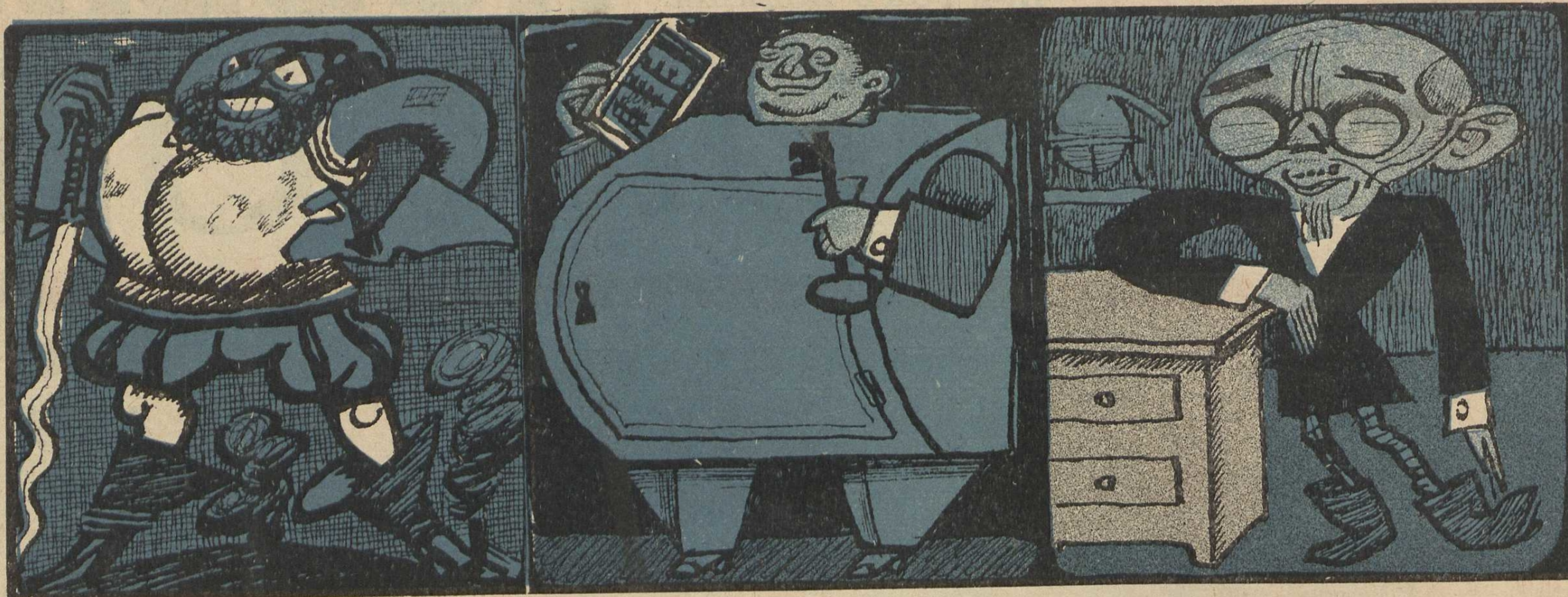
Рис. Ре-ми.

Въ имѣніи прибалтійскаго барона М—ля нѣмецкіе офицеры были встрѣчены, какъ старыя знакомыя, такъ какъ многіе раньше служили управляющими и лѣсниками въ этой мѣстности.

(Изъ газетъ.)

— Алло! Какъ? Вы говорите, что къ намъ идутъ нѣмцы?... Ну, не беспокойтесь, у меня для нихъ приготовлена такая батарея, что они останутся довольны!

Раньше воинъ былъ только созданъ для битвы. Его голова, руки, ноги предназначались для того, чтобы ими сокрушать, чтобы ихъ сокрушали. Это было пушечное мясо первого сорта.

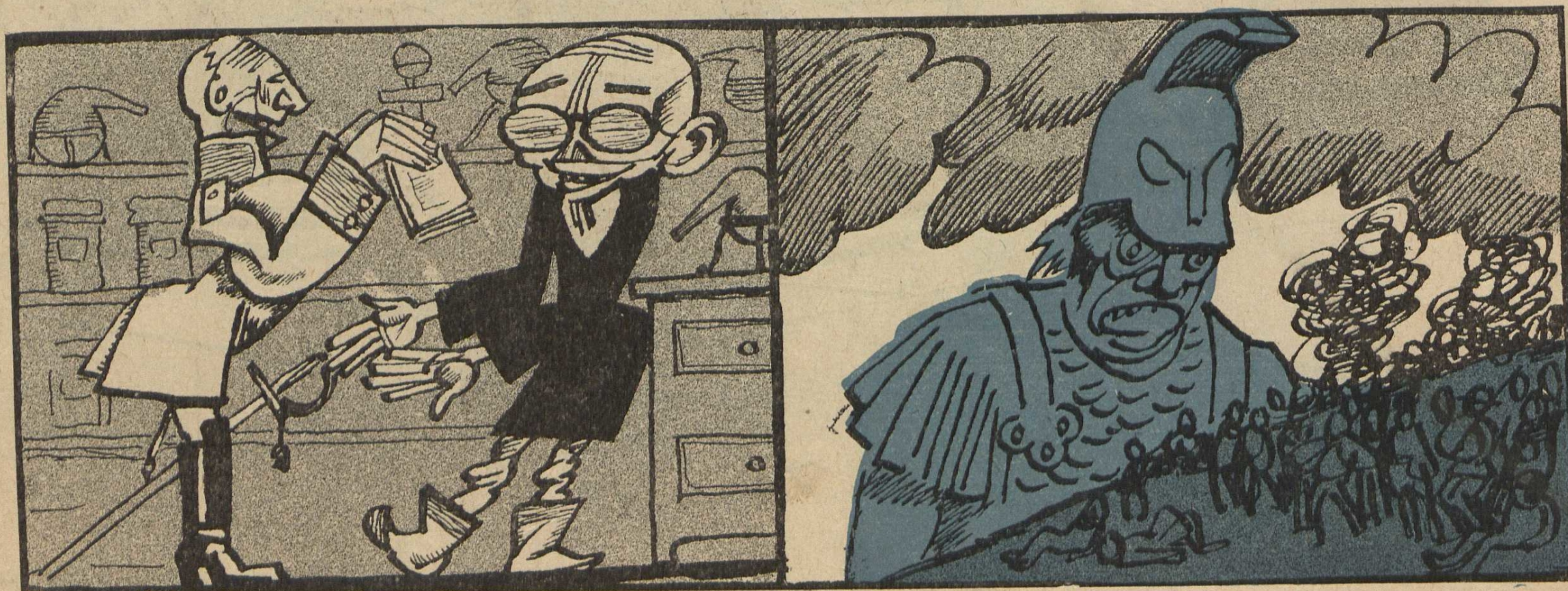
Теперь всѣ воины — „денежные шкапы“, которые боятся двинуться, чтобы всѣ бумаги, находящіяся внутри ихъ, не перемѣшались, чтобы счета не перепутались...

Теперь воины — ученые, которые не подставляют свою голову под удары, слишком дорожатъ они тѣмъ, что хранится въ этой головѣ...

Да, теперь пушечное мясо въ Германіи стало сортомъ ниже. Свѣжесть его сомнительна, питательность тоже. Воюя, они думаютъ о своихъ семьяхъ и пивныхъ кружкахъ, — а на одной жестокости далеко не уѣдешь.

Но кругомъ враги! Надо выходить изъ положенія! И вотъ рыцарь Вильгельмъ открываетъ война-„Шкапы“, беретъ деньги и даетъ ихъ „глазамъ арміи“, шпионамъ.

Опять беретъ деньги и даетъ почтеннымъ ученымъ... „Ядовитые газы нужныѣ васъ, — выдумывайте!“ — говоритъ онъ.

И даже страшному, кровавому, старому, выдавшему виды, но честному Марсу противны эти приправы изъ газовъ, шпионовъ и труповъ дѣтей и женщинъ. О, если бы онъ навѣкъ испортилъ себѣ желудокъ нѣмецкимъ пушечнымъ мясомъ!

ИМЕНИННИКАМЪ.

Ихъ участь, право, незавидна:
Исчезнетъ ночь, настанутъ дни,
И будетъ имъ смертельно стыдно
Того, что дѣлали они.
Съ собачьимъ, бѣгающимъ взоромъ
Они уйдутъ во тьму щелей,
Навѣкъ отмѣчены позоромъ
Постыдной слабости своей.
И будутъ дни ихъ злы и жутки,
Пока не стихнетъ жгучій стыдъ,
И въ тѣлѣ бѣдной проститутки
Душа живая не сгоритъ.
Но вотъ затихнетъ въ сердцѣ рана,
Пройдетъ недолгой муки срокъ,
И ярко-красныя румяна
Сокроютъ блѣдность впалыхъ щекъ.
Рабыня прѣстоль и матраца
Раскроетъ подлыя уста,
И будетъ вольно продаваться —
Съ листа! по стольку-то съ листа!

Но все жъ такъ низко пасть — не шутка:
Неизгладимъ позора слѣдъ.
Пусть твердо помнитъ проститутка:
Къ минувшему возврата нѣтъ!
Ни состраданья, ни довѣрья
Уже не смогутъ приобрѣсть
Ни эти трепанныя перья,
Ни эта трепанная честь!
И если въ свѣтлый часъ разсвѣта
Онѣ придутъ, покинувъ щель,
На вольный пиръ нашъ, только это
Ихъ грозно встрѣтитъ:

— На панель!

Гдѣ все растлѣнно и порочно,
Тамъ во-вѣкъ чуду не бывать.
Назадъ! на улицу!... Построчно
Гнилюю совѣсть продавать!

В. Князевъ.

ДИПЛОМАТИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

СТОКГОЛЬМЪ, 22—V. Германское правительство признало, что пароходъ „Бельриджъ“ потопленъ германской подводной лодкой, выразило свое сожалѣніе и заявило о готовности возмѣстить убытки.

(Изъ газетъ.)

I.

Капитанъ подводной лодки вышелъ на палубу, взялъ рупоръ и крикнулъ:

— Коллега! Кому принадлежитъ этотъ уважаемый пароходъ съ его прекрасной оснасткой и почтенными пассажирами?

Капитанъ парохода внимательно осмотрѣлъ подводную лодку, вздохнулъ и тоже взялъ рупоръ.

— Намъ некогда заводить уличныя знакомства...

— Жаль, — крикнулъ нѣмецкій капитанъ, — а я вась хотѣлъ немного задержать...

— А надолго?

— Пустяки... Какія-нибудь пять минутъ... Мы и не такіе пароходы въ двѣ минуты пускали ко дну.

— Знаете что? Давайте лучше послѣ какъ-нибудь... Тѣмъ болѣе, что мы норвежцы.

— Ахъ, норвежцы... Нейтральная держава! Швеція, Норвегія, Скандинавскій полуостровъ, такъ сказать... Лодочки спускайте, господинъ...

— Какъ — лодочки?... Вы серьезно топить хотите?

— Сами знаете, служба...

— Слушайте, — хмуро крикнулъ норвежець, — у вась, можетъ быть, есть основаніе усиливать свой боевой флотъ подводными судами, но коммерческому норвежскому флоту несравненно удобнѣе быть на поверхности...

— Разрѣшите начать? — вѣжливо поклонился капитанъ лодки, — у меня такъ мало, такъ мало времени...

— У меня здѣсь женщины, — возмущенно отозвался норвежець, — вы утопите ихъ...

— Мнѣ бы не хотѣлось здѣсь создавать перегородку между представителями двухъ половъ, — скромно возразилъ

нѣмецкій капитанъ. — Женщины, такъ женщины... Дорогу женщинѣ! — какъ говоритъ двадцатый вѣкъ...

— Да, но Норвегія...

— Мы умѣемъ топить, но умѣемъ и извиняться! — гордо отвѣтилъ капитанъ лодки. — Пока, до скорого...

Всю ту миссію, которую возложила на него германская мина, пароходъ продѣлалъ честно и исправно: немного покачался, по-братски раздѣлился на двѣ равныя половины и пошелъ ко дну.

II.

Норвежскій посланникъ старался придать разговору исключительно дѣловой характеръ.

— Въ маѣ мѣсяцѣ нашъ пароходъ «Бельриджъ», который...

— «Бельриджъ»? — переспросилъ германскій министр, — какое красивое названіе... Въ немъ что-то весеннее...

— ... Который шель, направляясь...

— Виноватъ, чей это «нашъ»?

— Норвежскій. Я норвежскій посоль.

— Скажите, пожалуйста... Разрѣшите представиться — фонъ-Муннеръ. Съ кѣмъ имѣю честь?..

— У меня тоже есть фамилія. Мы уже съ вами здоровались...

— Такъ въ чемъ же дѣло?

— Въ маѣ мѣсяцѣ нашъ пароходъ «Бельриджъ», который...

— «Бельриджъ»... Въ этомъ есть что-то...

— Весеннее? Слышалъ. Его потопила германская подводная лодка...

— Наша? Подводная? Скажите, пожалуйста... Ну и какъ? Ничего?

— Спасибо. Много народу погибло. Женщины, дѣти.

— Ахъ, дѣти, дѣти... Сладу съ ними теперь нѣтъ. Ни слова сказать нельзя. То ли мы сами старѣемъ...

— ... Женщины, дѣти... Такъ какъ Норвегія государство нейтральное...

— Вы знаете, въ нейтралитетѣ есть своя прелесть. Это какъ бы дѣвушка, которая...

— ... Нейтральное, и наши пароходы плаваютъ подъ нашимъ флагомъ...

— Вы не замѣчаете сами, какая тутъ игра словъ: корабль подъ парусами, подъ парами, а тутъ вдругъ подъ флагомъ. Роковое, такъ сказать, совпаденіе...

— Поэтому, я спрашиваю, на какомъ основаніи ваша лодка потопила...

— Да, можетъ быть, вы ошиблись? Это вы о «Лузитаніи» въ газетахъ прочитали...

— Извините, но у меня официальные данныя...

— Что же, ихъ сами утонувшіе писали, что ли?..

— Нѣтъ, не утонувшіе... Вотъ показанія очевидцевъ, спасенныхъ другимъ пароходомъ.

— Ну, вотъ видите, ихъ спасли, а они жалуются. А если бы вашъ пароходъ нашу лодку потопилъ?

— Да онъ не могъ ее утопить... Коммерческій пароходъ...

— Я и говорю къ тому. Коммерческій пароходъ, а вы скандалъ на цѣлыхъ два броненосца подымаете. Какіе же вы нейтральные?!

— Да, но все-таки нападать на беззащитный пароходъ нейтральной державы...

— Во-первыхъ, нападать на защищенный пароходъ враждующей державы совсѣмъ не выгодно, а, во-вторыхъ и въ-третьихъ — что вы отъ меня хотите?

— Какъ, то-есть, что хочу? Ваша лодка...

— Я даже удивляюсь вашему тону... Точно я самъ утопилъ вашъ пароходъ. Можете спросить у швейцара — пять мѣсяцевъ безвыѣздно... Какая-то лодка утопила какой-то пароходъ, а какой-то...

— Я уже имѣлъ честь представляться вамъ...

— Ну, я знаю... Ну, мы извиняемся. Произошла ошибка, капитанъ пошутилъ...

— Хорошая шутка...

— Я думаю, не плохая, если о ней всѣ газеты пишутъ... Послѣ извинимся официально... Прощайте!

III.

— Мы принимаемъ ваше извиненіе, но надѣмся, что въ слѣдующій разъ, — спокойно отвѣтилъ норвежскій министръ германскому посланнику, — вы въ своихъ поступкахъ...

— Да развѣ я съ пустыми руками пришелъ?! — подмигнулъ нѣмецкій посоль, — что нужно, такъ ужъ будьте покойны...

Рис. Ре-ми.

У КАЖДАГО СВОЯ МЪРКА.

Женщина: — Три часа я брожу уже, усталая, голодная, и никто даже не заговорил со мной... Что за собачья жизнь!

Собака: — И вчера я была голодная, и сегодня... Наконец-то, я стала жить по-человѣчески!..

- Я васъ не понимаю...
 — Тутъ и понимать нечего... Дѣло такое. Кто тамъ погибъ-то?
 — У меня вотъ здѣсь списокъ...
 — Ого, дорогой счетецъ... Фрикъ Пенсенъ, 47 лѣтъ, холостъ... Ну-съ, считаемъ за холостого человѣка, да еще на возрастѣ — восемьдесятъ марокъ...
 — Позвольте, позвольте, — изумленно перебилъ его норвежскій министръ, — но вѣдь это же человѣкъ...
 — За лошадей счетъ внизу... Я не путаю...
 — Но какъ же можно брать за человѣка восемьдесятъ марокъ?!
 — За холостого-то? Да еще гуртомъ и деньги сразу? Да больше ни гроша... И такъ за женатыхъ по сто двадцать заплатитъ собираюсь...
 — У меня голова кружится и въ глазахъ темнѣетъ...
 — Форточку открыть надо... У меня тоже въ ногахъ ломота...
 — Я иду домой...
 — Какъ домой? Да вы же у себя дома...
 — Ну, вы идите домой...
 — А счетъ-то кто же оплатитъ?
 — Не надо...
 — Не надо? А я думалъ, что вы и торопили поэтому...
 — Ну, такъ я, дѣйствительно, посижу немного и домой пойду...

Поздно вечеромъ германскій посоль послалъ телеграмму: «Все благополучно. Топите слѣдующій. Лучше норвежскій. Отъ денегъ отказываются. Экономія громадная. Возмущеніе растеть. Когда совсѣмъ вырастетъ — сообщу срочно».

Арк. Буховъ.

ОТЪ РЕДАКЦИИ.

Когда этотъ фельетонъ уже былъ въ наборѣ, мы наткнулись на слѣдующую замѣтку (въ „Бирж. Вѣд.“), блестяще иллюстрирующую то, что, казалось бы, выдуманно г. Буховымъ:

КАКЪ АГИТИРУЮТЪ ГЕРМАНСКІЕ КОНСУЛЫ ВЪ ШВЕЦИИ ПРОТИВЪ РОССИИ.

На-дняхъ весь Стокгольмъ сбѣжался на набережную смотрѣть, какъ разгружали пароходъ съ товарами, предназначенными для Россіи. За часъ до отхода парохода съ товарами, предназначенными для одного изъ финляндскихъ портовъ, къ капитану парохода явился германскій консулъ въ Стокгольмѣ, попросилъ хозяина парохода спуститься въ каюту, гдѣ, представивъ капитану точный и самый подробный списокъ всѣхъ пароходныхъ грузовъ, заявилъ, что пароходъ не дойдетъ до мѣста назначенія, и что самое лучшее, если товары выгрузятъ и рейсы отмѣнятъ.

Германскій консулъ велъ себя такъ самоувѣренно и съ апломбомъ, такъ опредѣленно называлъ даже то мѣсто, гдѣ „пострадаетъ“ пароходъ, что капитанъ долженъ былъ запросить фирму, которой принадлежалъ пароходъ: выходить ли имъ въ море. Зная разбойничьи способы веденія войны германскими пиратами, пароходовладѣльческое общество распорядилось рейсъ отмѣнить. Русскій агентъ, купившій товары и наблюдавшій за отправкою грузовъ, сталъ протестовать, но изъ этого ничего не вышло, такъ какъ до сихъ поръ въ Стокгольмѣ нѣмцы играютъ доминирующую роль. Печальнѣе всего, что и наше дипломатическое вѣдомство не можетъ противостоять противъ тѣхъ продѣлокъ, нарушающихъ интересы русскихъ подданныхъ, какія на каждомъ шагу стараются учинить здѣсь ловкіе агенты Вильгельма.

РЕКВИЕМЪ.

Моему другу А. Тр-ну.

Скрывшись подъ своды колоннъ,
 Выпилъ онъ одеколонъ.
 Своды колоннъ уцѣлѣли,
 Одеколонъ уцѣлѣлъ, —
 Правда, не въ склянкѣ, а въ тѣлѣ...
 Тотъ же, кто въ сводахъ колоннъ,
 Вылакалъ одеколонъ, —
 Тотъ околѣлъ!
 Какъ не сказать безъ игривости:
 Нѣтъ на землѣ справедливости!

В. В.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЬСТВА.

ВЪ СКОРОМЪ ВРЕМЕНИ ВЫЙДЕТЪ ИЗЪ ПЕЧАТИ КНИГА:

АРКАДІЙ АВЕРЧЕНКО.**САТИРИКОНЦЫ ВЪ ЕВРОПѢ.**

ФОРМАЛИСТКА.

Я знаю, немногіе, очень немногіе со мной согласятся, но это не мѣшает мнѣ остаться при мнѣнии, къ которому я уже привыкъ: у меня весьма симпатичный характеръ.

Моментами я даже удивляюсь, какъ это въ одномъ чело-вѣкѣ можетъ помѣститься такой симпатичный характеръ! Единственное объясненіе — мой ростъ: 2 арш. $6\frac{1}{8}$ верш. (по ополченскому билету).

* * *

— Маня, отнесите этотъ пакетъ въ редакцію... Пожа-луйста.

— Я не пойду. Я не посыльный. Я не пойду.

— Возьмите извозчика, вотъ деньги... Оставьте сдачу себѣ.

— Не поѣду!

— Почему?

— Я не нанималась ходить по редакціямъ!

Она повернулась и вышла изъ комнаты. Я поднялъ бро-ви, выпятилъ нижнюю губу, пропустилъ воздухъ черезъ носъ и снова позвонилъ.

— Что угодно?

Спокойно, тономъ, какимъ доказываютъ капризному ре-бенку необходимость принять горькую микстуру, объясняю:

— На углахъ уже нѣтъ посыльныхъ: поздно.

— Завтра будутъ.

— Нужно сегодня доставить.

— Ну, и поѣзжайте сами!.. Я для этого не нанималась.

Она повернулась и вышла изъ комнаты.

Это уже перешло за обычныя границы ея дерзости и упрямства, и чей-нибудь характеръ на это реагировалъ бы, по меньшей мѣрѣ, верхнимъ регистромъ своей вокальности, но я снова позвонилъ и ласковымъ ріано сказала:

— Маня, разъ вы не исполняете моихъ приказаній — вамъ придется искать мѣста.

Она взволнованно помяла края передника и глухо сказала:

— Воля ваша, баринъ, но я исполняю свои обязанности аккуратно, а ходить въ редакцію я не нанималась. Если бы я была неаккуратна — другое дѣло, а то безо всякой вины!.. Напримѣръ, если я не приходила бы на звонки!..

Юридически она была права.

— Можете идти!

Отпустивъ ее, я подумалъ и рѣшилъ тоже стать на фор-мальную почву. Позвонилъ.

— Что угодно?

— Вы какой губернии?

— Смоленской.

— Можете идти.

Подождалъ минутъ пять, позвонилъ.

— Что угодно?

— Какого уѣзда?

— Вяземскаго.

— Спасибо. Можете идти.

Подождалъ минутъ пять, позвонилъ.

— Какой волости?

Она вспыхнула.

— Потрудитесь поглядѣть въ мой паспортъ, онъ у васъ.

И ушла. Подождалъ минутъ пять, позвонилъ.

— Что угодно?

— Завтра почистите дверную доску.

— Слушаю.

Ушла. Подождалъ минутъ пять, позвонилъ.

— Что угодно?

— Ничего.

— Звонокъ отъ васъ?

— Да.

— Зря, значить?

— Это не ваше дѣло: вы должны являться на звонки?

— Должна.

— Можете теперь идти.

Она ушла и сѣла за дверь. Я понялъ, что изморомъ я не добьюсь, чтобы она отвезла пакетъ. Я задумался. Во мнѣ двое спорили:

— Это издѣвательство надъ свободой личности... Это остатки крѣпостничества!..

— Она должна исполнять мои желанія!

— Она по вольному найму... Свобода договора!.. Условія ходить въ редакцію ты не заключалъ вѣдь?

— Я не условливался, чтобы она ходила въ булочную, это само собой.

— Булочная не редакція!... Это домашнія услуги, а это дѣло!..

Я (сумма этихъ спорщиковъ) позвонилъ по телефону въ редакцію, но тамъ не оказалось свободнаго чело-вѣка, кото-рый могъ бы придти ко мнѣ за матеріаломъ.

— Представь себѣ, что тебѣ бы поручили какую-либо не-желательную тебѣ работу — развѣ ты не протестовалъ бы?.. И развѣ ты, въ сущности, не долженъ привѣтствовать въ Манѣ пробужденія личности, сознанія ея своего достоин-ства? — снова заговорилъ первый спорщикъ.

— Глупости! Ерунда! При чемъ тутъ красивыя слова?!

— «Глупости!» — это не аргументы, мало восклик-нуть — нужно доказать: почему именно глупости!..

А время бѣжало. Приближался срокъ сдачи матеріала. Блеснула мысль послать швейцара, поѣхать самому, но была оставлена: швейцаръ не могъ такъ поздно отлучиться, а мнѣ нужно было работать.

Еще не принявъ окончательнаго рѣшенія, я позвонилъ.

— Что угодно?

— Ммм... Вотъ что!.. (Пауза. Рѣшеніе намѣчалось.) Можете получить расчетъ, получите за двѣ недѣли впередъ, и вы свободны... Очень жалѣю, но долженъ отказать вамъ отъ мѣста.

— Какъ вамъ будетъ угодно... Мѣстовъ много.

Ушла изъ комнаты. Я подождалъ, потомъ позвонилъ.

— Что угодно?

— Вотъ что! (рѣшеніе опредѣлилось.) Не хотите ли получить у меня мѣсто горничной на такихъ условіяхъ: кро-мѣ обычной работы, вамъ придется иногда ходить по моему порученію въ редакцію, за это вы будете получать особое каждый разъ вознагражденіе. Хотите?

— Отчего жъ, можно... съ удовольствіемъ!

— Ну, отлично!.. Сколько же вы хотите прибавки къ прежнему жалованью?

— Да что тамъ! не обидите!

Мой голосъ звучалъ весьма внушительно, когда я при-казалъ:

— Возьмите на столѣ пакетъ и приготовленные деньги и сейчасъ же отнесите пакетъ въ редакцію.

— Слушаю-сь.

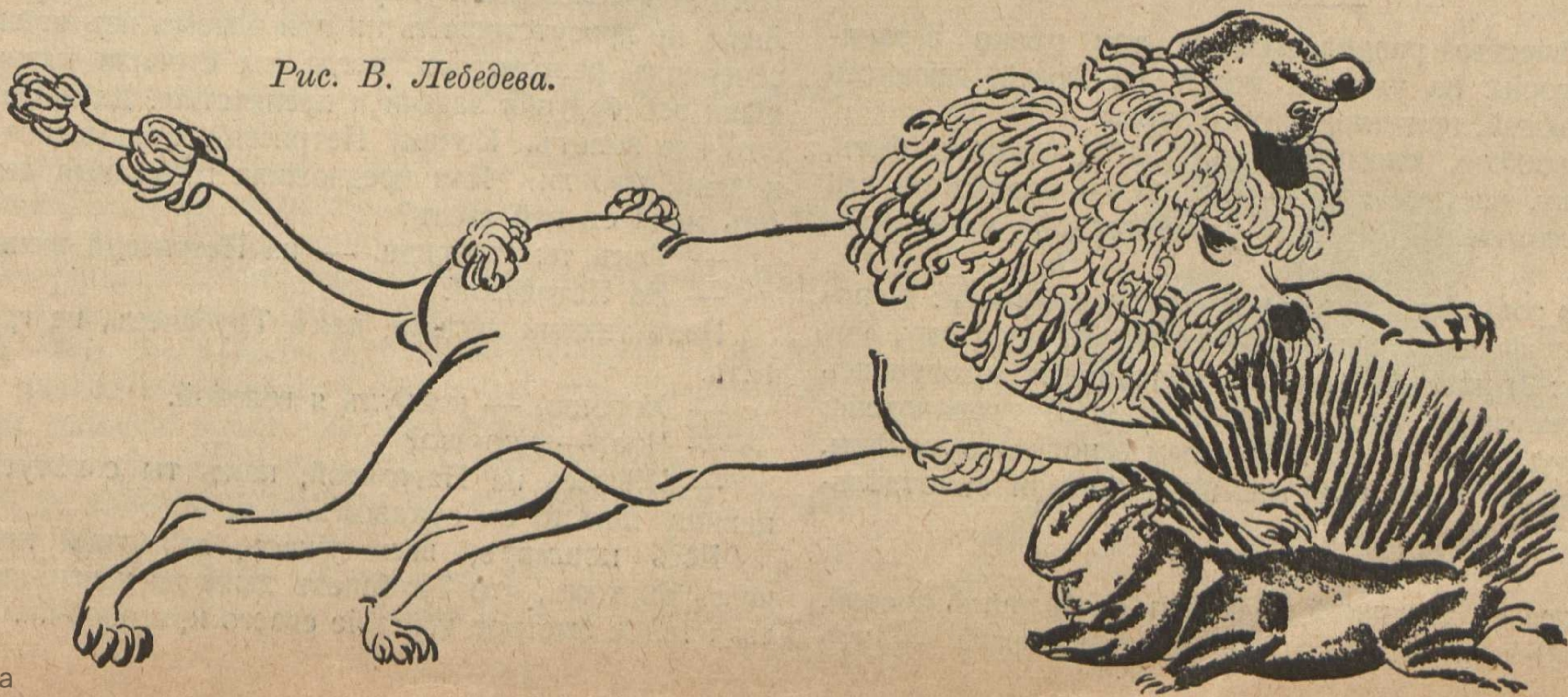
За дверь она проговорила вслухъ:

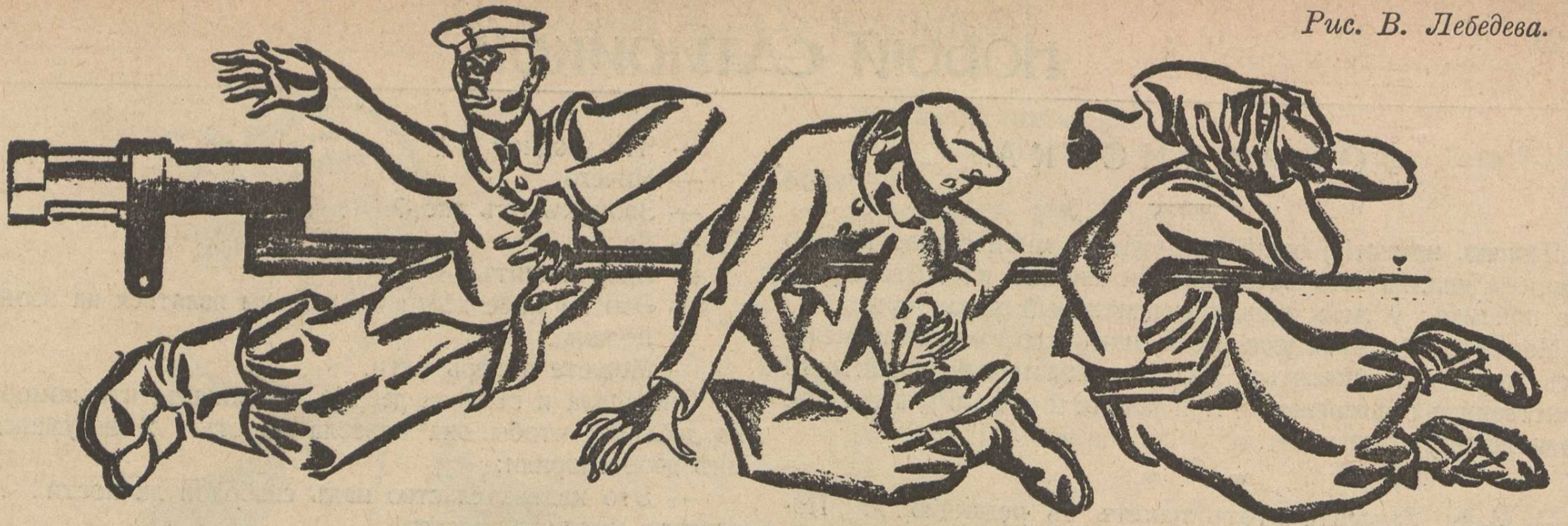
— Разъ нанялась ходить — и должна ходить, безъ раз-говора.

Я торжествовалъ побѣду.

Исидоръ Гуревичъ.

Рис. В. Лебедева.

ЧЕРНАЯ ТЕСЬМА.

(*Братьямъ-армянамъ посвящаю.*)

Не оторваться отъ письма
Въ засаленномъ конвертѣ:
У края черная тесьма
Вѣщаетъ мнѣ о смерти.
Два брата были и отецъ
Въ бою на смертномъ полѣ...
И вотъ — одно изъ трехъ сердець
Уже не бьется болѣ.
Ужели старшій братъ Арчилъ
Ушелъ навѣкъ изъ строя
И преждевременно почилъ
Кончиною героя?
Иль, можетъ, младшій, Мартиросъ,
Ушедшій плавать въ море,
Который жилъ, который росъ
Отцу и мнѣ на горе?
А, можетъ, старый мой отецъ,
Краса и гордость края, —
Пріялъ страдальческій вѣнецъ,
Въ ущельѣ умирая?
Какая сила въ знакахъ есть,
Начертанныхъ рукою!
Въ нихъ — чей-то стонъ, въ нихъ — чья-то месть,
И страхъ — конецъ покою.

Почили взоры на листахъ —
Безстрастны, молчаливы, —
Пока конвертъ дрожить въ перстахъ —
Еще всѣ трое живы.
Но только разумомъ коснись
Строки, застывшей блѣдно, —
Одинъ изъ трехъ уходитъ въ высь...
Навѣки... И безслѣдно...

Не оторваться отъ письма
Въ засаленномъ конвертѣ:
У края черная тесьма
Вѣщаетъ мнѣ о смерти.
Не отвести застывшихъ глазъ,
Но и читать нѣтъ силы...
Всѣ одинаково сейчасъ
И дороги, и милы!

Владиміръ Воиновъ.

СОВѢТЫ И СОВѢТЧИКИ.

Научная статья Аркадія Аверченко.

Все человѣчество раздѣляется на три рѣзко ограниченныхъ категоріи: на умныхъ людей, на людей, дающихъ совѣты, и на людей, принимающихъ совѣты.

Въ мірѣ, вообще, много общаго зла и, можетъ быть, только поэтому, частное зло — совѣты — проходитъ для многихъ наблюдателей жизни человѣческой незамѣченнымъ.

Въ области совѣтовъ различаются три комбинаціи: 1) подача совѣта профессиональнымъ совѣтчикомъ простому, умному человѣку; 2) просьба о совѣтѣ, обращенная жаждущимъ совѣта къ простому, умному человѣку; и 3) столкновение любителя давать совѣты съ любителемъ получать совѣты.

Разсмотримъ каждую изъ трехъ комбинацій въ отдѣльности.

I.

Я встрѣтился съ дѣвушкой, полюбилъ ее большой, чистой, настоящей любовью. Надо отдать справедливость — это

былъ замѣчательный человѣкъ! На населеніе любой изъ европейскихъ столицъ пришлось бы всего двѣ-три такихъ дѣвушки. Я рѣшилъ жениться на своей дѣвушкѣ.

Едва вѣсть объ этомъ разнеслась по городу, какъ ко мнѣ явился пріятель Трубачевъ (первая категорія) и, послѣ нѣсколькихъ общихъ фразъ, обронилъ словцо:

— Женишься?

— Да, женюсь.

— Не совѣтую.

Я въ ужасѣ вскочилъ со стула.

— Милый! Ты меня пугаешь!.. неужели, ты знаешь о Лидѣ Маевой что-нибудь такое, что... Боже! У меня даже сердце перестало биться...

— О какой Лидѣ Маевой?

— О моей невѣстѣ.

— Я ее даже не знаю.

— Постой... Такъ какъ же ты мнѣ не совѣтуешь жениться?

— Ну, вообще, бракъ, знаешь ли...

— А что такое?

— Бракъ — могила любви.

— Да ты Лиду Маеву знаешь?

— Говорю тебѣ — не знаю.

— Такъ какъ же ты можешь совѣтовать, не зная Лиды Маевой?

— А что въ ней особеннаго?

— Лида — изумительный, замѣчательный человѣкъ.

— Ну, знаешь, всѣ онѣ замѣчательныя до выхода замужь...

Я чуть не плакалъ.

— Да вѣдь не знаешь же ты Лиду Маеву! Какъ можешь ты это говорить?

— Умный человѣкъ можетъ дѣлать выводы и не имѣя достаточныхъ данныхъ.

— Значитъ, не совѣтуешь?

— Не совѣтую.

— Тогда что же ты мнѣ совѣтуешь?

— Мой тебѣ совѣтъ: женись на Марьѣ Авксентьевнѣ Петряевой. Добрый человѣкъ, хорошая хозяйка; правда, звѣздъ съ неба не хватаетъ, но этого вѣдь и не нужно.

— А Лиду, значитъ, по боку?

— По боку. Мой тебѣ совѣтъ.

И подумалъ я: вѣдь вотъ человѣкъ этотъ говоритъ... Вѣдь для чего же нибудь онъ говоритъ? Вѣдь не сталъ бы онъ говорить, если бы былъ категорически увѣренъ, что его слова никакого дѣйствія, кромѣ легкаго сотрясенія воздуха, не произведутъ? Вѣдь, значитъ, у него есть какая-то маленькая надежда: а вдругъ я прислушаюсь къ его словамъ, повѣрю имъ, и поступлю по его, по-Трубачевски. Вѣдь у него тонъ непоколебимый, увѣренный, а вѣдь онъ не видѣлъ даже Лиды, не присутствовалъ ни при одномъ изъ нашихъ тихихъ вечернихъ разговоровъ, когда мы строили планы и разрешали всѣ будущія задачи и препятствія. Да и Петряеву вѣдь онъ еле знаетъ. Почему Петряева? Родственница она ему, кузина, что ли? Или предложила громадныя деньги, чтобы онъ меня съ ней свелъ?

— Такъ ты говоришь — на Петряевой жениться?

— На Петряевой.

Надъ такими людьми, какъ Трубачевъ, не грѣхъ подшутить.

— Хорошо, — кивнулъ я головой.

— Что — хорошо?

— Женюсь на Петряевой, какъ ты совѣтуешь, а Лидѣ напишу письмо съ отказомъ.

Весь кошмаръ, весь ужасъ, леденящій кровь, заключался въ томъ, что Трубачевъ даже не удивился, не ахнулъ, видя такое быстрое дѣйствіе своего краснорѣчія.

— Серьезно?

— Конечно. Ты же совѣтуешь.

— Ну, да. Вотъ и молодецъ. Давно бы такъ. Она, ей Богу, хорошая баба, Петряева. Ну, разъ этотъ вопросъ рѣшенъ, поговоримъ вотъ о чемъ: не хочешь ли проѣхать денъка на три въ Финляндію?

Совѣтчикъ Трубачевъ рѣшилъ мою судьбу и тутъ же забылъ объ этомъ. Если бы я поступилъ по его совѣту — я бы разбилъ жизнь Лиды, связалъ свою жизнь съ нелюбимой женщиной, а Трубачевъ принялъ все это какъ должное, и сейчасъ же забылъ объ этомъ...

Трубачевъ, Трубачевъ...

Ну, хорошо, что я тебя не послушалъ, а если бы послушалъ?.. Если бы поступилъ по твоему совѣту?

Трубачевъ, Трубачевъ... Напрасно ты не умеръ маленькимъ отъ дифтерита или скарлатины.

Это бы помѣшало тебѣ давать совѣты.

II.

Кузеевъ пришелъ ко мнѣ поздно ночью, когда всѣ уже спали, и только я, сидя въ кабинетѣ, правилъ какую-то корректуру.

— Что надъ вами стряслось? — спросилъ я, пожимая его холодную руку.

— За совѣтомъ пришелъ. Посоветуйте, что мнѣ дѣлать?

— Ну, нашли тоже совѣтчика... А въ чемъ дѣло?

— Посоветуйте: разводиться мнѣ съ женой или нѣтъ?

Ни на секунду не призадумавшись, я хладнокровно сказалъ:

— Разводитесь.

— Спасибо! Вы меня успокоили... Тяжесть сняли съ моей души. Такъ разводиться, говорите?

— Обязательно.

— Такъ я и сдѣлаю.

Лицо его просвѣтлѣло. Онъ всталъ, пожалъ мнѣ руку и направился къ дверямъ.

— Пойдите!

Онъ остановился.

— Что такое?

— Меня удивляетъ, какъ это вы уходите, даже не полюбывшись, на основаніи какихъ мотивовъ я далъ вамъ такой совѣтъ.

— Дѣйствительно, — усмѣхнулся онъ. — Вѣдь это интересно: изъ какихъ соображеній вы совѣтуете мнѣ развестись съ женой?

— Ни изъ какихъ, — хладнокровно отвѣчалъ я.

— То-есть? Я... васъ... не понимаю.

— Ничего тутъ нѣтъ непонятнаго. Какія у меня могутъ быть соображенія, если я жену вашу знаю мало, взаимоотношенія ваши мнѣ неизвѣстны, чувства ваши другъ къ другу для меня загадка...

— Такъ зачѣмъ же вы посоветовали мнѣ разводиться?

— Какъ вамъ сказать... У меня есть правило: на глупый вопросъ давать отвѣтъ еще глупѣе.

— Фу, ты, Господи! А вѣдь я думалъ, что вы серьезно. Значитъ, вы совѣтуете не разводиться?

— Ничего я не совѣтую. Вы любите вашу жену?

— Нѣтъ.

— Тогда тутъ и думать нечего, — разводитесь.

— Но она меня любитъ и разлуки со мной не перенесетъ.

— Жаль человѣка. Тогда не разводитесь.

— Но вѣдь я, поймите вы — я! Я не выдержу совмѣстной жизни съ ней и либо самъ повѣшусь, либо ее задушу!!

— Тогда, тутъ и думать нечего, — разводитесь.

— Легко вамъ сказать «разводитесь»! У насъ есть двое дѣтей, для которыхъ мы должны жить. Что съ ними будетъ? Вѣдь это сломаетъ всю ихъ юную жизнь.

— Да, въ такомъ случаѣ, вамъ, конечно, нельзя разводиться.

— Значитъ, по-вашему, жить въ атмосферѣ ссоръ, взаимныхъ уколовъ, ненависти, жить годы въ адской атмосферѣ двухъ вражескихъ становъ?

— Въ такомъ случаѣ, устройтесь какъ-нибудь съ дѣтьми и разводитесь. Нечего тамъ и думать.

— А чѣмъ же я жить буду, если разведусь съ женой? Домъ и имѣніе принадлежитъ ей, а мнѣ ужъ поздно впрягаться въ рабочую лямку. Да и не гоюсь я для этого.

Я подперъ рукой голову и задумался. Спросилъ:

— А вы сами-то какъ думаете: развестись вамъ лучше или нѣтъ?

— Я и самъ не знаю. А какъ вы посоветуете?

Въ концѣ концовъ, что я теряю? Отвѣчалъ такъ:

— По-моему, вамъ не слѣдуетъ разводиться.

— Спасибо. Такъ я, значитъ, и сдѣлаю. Позвольте! А чѣмъ же я жить потомъ буду? Что вы мнѣ посоветуете?

— Ну, мало ли... Существуютъ занятія легкія и необременительныя. Вы можете, на примѣръ, открыть специальное бюро совѣтовъ. За нѣкоторое вознагражденіе будете давать желающимъ совѣты по разнымъ житейскимъ дѣламъ.

— Вы полагаете, что это предпріятіе выгодное? Откуда же возьмется кліентура?

— Эка о чемъ человѣкъ беспокоится. Мало ли дураковъ на свѣтѣ, которые безъ совѣта шагу не сдѣлаютъ.

— А вѣдь вѣрно! Спасибо за совѣтъ. Прощайте.

Онъ ушелъ. А я, оставшись одинъ, преклонилъ ухо къ душѣ моей: есть ли тамъ, въ душѣ, какое-нибудь раскаяніе? Раскаянія не было.

III.

Два человѣка изъ третьей категоріи сидѣли на верандѣ ресторана за столикомъ.

Вотъ какого рода разговоръ происходилъ между ними:

ТОЛСТЫЙ. Ко мнѣ вчера явился одинъ очень солидный комиссіонеръ. Предлагаетъ гдѣ-то около Грознаго купить землю, гдѣ есть большія залежи кокса. Какъ ты посоветуешь — покупать или нѣтъ?

ХУДОЙ. Конечно, купи, отчего же (лѣниво). А онъ гдѣ похороненъ-то?

ТОЛСТЫЙ. Кто?

ХУДОЙ. Да Іоаннъ Грозный.

ТОЛСТЫЙ. Что это тебѣ вдругъ вздумалось?..

ХУДОЙ. А твоя земля... Она... тамъ же. Гдѣ его могила...

ТОЛСТЫЙ. Нѣтъ, чудакъ, ты не понялъ. Это городъ есть такой — Грозный — на Кавказѣ. Такъ вотъ — около этого города.

ХУДОЙ. А-а-а... Ну, что жъ, конечно, покупай.

ТОЛСТЫЙ. Значитъ, совѣтуешь?

ХУДОЙ. Что? Да, отчего же и не купить.

ТОЛСТЫЙ. Такъ я ему завтра, значитъ, и задатокъ дамъ. А ты почему такой грустный?

ХУДОЙ. Я? Гм... Сказать тебѣ правду?..

ТОЛСТЫЙ. Конечно. Вѣдь ты же знаешь, что мы друзья, и если тебѣ нужно чѣмъ-нибудь помочь...

ХУДОЙ. Спасибо. Видишь ли... Мнѣ нуженъ твой совѣтъ.

ТОЛСТЫЙ. Съ удовольствіемъ.

ХУДОЙ. Я тебѣ скажу откровенно: мнѣ совершенно надоѣла, опротивѣла жизнь. Живешь, живешь, а чего живешь, что живешь, какъ живешь, почему живешь — ничего и неизвѣстно... Ну, вотъ. Ты долженъ понять меня (послѣ паузы). И вотъ я рѣшилъ... Мнѣ это тяжело говорить, да все равно ужъ! Я рѣшилъ покончить жизнь самоубійствомъ.

ТОЛСТЫЙ (совершенно потрясенный). Од... на... ко! Чего же ты отъ меня хочешь? Какого совѣта?

ХУДОЙ. А вотъ какого: кончатъ мнѣ жизнь самоубійствомъ или нѣтъ?

ТОЛСТЫЙ. Мой тебѣ искренній совѣтъ — не совѣтую!

ХУДОЙ (протягивая толстому руку, съ чувствомъ). Спасибо! Я такъ и сдѣлаю, какъ ты совѣтуешь. Ты меня прямо-таки воскресилъ.

* * *

Пишущій эти строки будетъ удовлетворенъ, если читатель по прочтеніи вышеизложеннаго станетъ избѣгать спрашивать у окружающихъ «совѣтовъ», а также станетъ избѣгать самъ давать совѣты налѣво и направо.

Авторъ совѣтуетъ это читателю. **Арк. Аверченко.**

Рис. В. Л.

СПАСИТЕЛЬНОЕ ЯТЬ.

„Новый министр народного просвещения обратил внимание на исконного врага русской грамотности, на букву ять“.

Когда учителям ихъ измѣняли жены, —
Не въ силахъ изъ сердець разбитыхъ боль изъять,
Учителя толпой, досадой пораженной,
Спѣшили въ «классъ», чтобъ тамъ... налечь на букву ять!..
— «*Мереть!.. переть!.. сѣрѣть!..*» — подъ класса вздохи,
стоны

Обманутый супругъ старался диктовать...
Онъ вспоминалъ жену — и грохоталъ свирѣпо:
— «*Племянникъ плѣсень сплелъ!!*» иль «*Не репейникъ — рѣпа!!!*»

Когда учителей терзали геморой,
Подагра, ишіасъ иль прелести катара, —
Несли учителя въ гимназіи стрѣлой,
Чтобъ тамъ... на букву ять набрасываться яро:
— «*Въ отрепьяхъ полетѣлъ плѣненный вѣстовой!*» —
На неповинный классъ обрушивалась кара...
— «*Бѣсъ осѣдлалъ песокъ!!*» — писалъ со страхомъ классъ,
Не зная, что слова диктуетъ... ишіасъ!..

Спасительное ять!.. Тобой свои недуги
Цѣлившая, скорбитъ семья учителей:
Ты покидаешь ихъ!.. И мечутся въ испугѣ
Всѣ тѣ, чей «ишіасъ» твой врачеваль елей,
Кто забывалъ съ тобой грѣхи своей супруги,
И для которыхъ ты всѣхъ прочихъ буквъ милѣй!.. —
Чтобъ злобу вымѣстить, — имъ не «загнуть», какъ прежде:
— «*Смѣлъ тотъ, кто мелкій смель мѣлъ бѣлый на одеждѣ!!*»

Михаиль Пустынинъ.

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

Каламбуръ, подсунутый жизнью.

Изъ Гетеборга сообщаютъ:

Черезъ здѣшнюю фирму Германія по весьма высокой цѣнѣ приобрѣла большую партію старыхъ галошъ. Сегодня 10,000 килограммовъ галошъ должны были быть отправлены въ Германію, но таможенные власти воспрепятствовали вывозу, такъ какъ вывозъ резиновыхъ издѣлій воспрещенъ.

Случай, наглядно иллюстрирующій, казалось бы, невозможное положеніе: сѣсть въ калошу именно благодаря отсутствію оныхъ.

Богъ не выдастъ, свинья не съѣстъ.

Изъ авторитетнаго источника:

Генераль Макензенъ рассчитываетъ при атакѣ нашихъ укрѣпленій по десять снарядовъ средняго калибра, вѣсомъ около 20 пудовъ, на cadaго нашего стрѣлка, занимающаго полтора шага по фронту окопа.

Ну, что жъ... Такой расчетъ является только комплиментомъ по отношенію къ каждому русскому стрѣлку.

Тяжелымъ, правда, комплиментомъ, но нѣмцы никогда легкими въ комплиментахъ не были.

Чудеса.

Вратъ легко, попадаться скверно:

Если вѣрить официальнымъ сообщеніямъ германцевъ и австрійцевъ, то 3-й кавказскій корпусъ, захватившій у Сенявы 14 орудій и 7,000 плѣнныхъ, былъ почти полностью уничтоженъ еще въ апрѣлѣ на Вислокѣ и нынѣ долженъ считаться несуществующимъ.

Неужели нѣмцевъ не беретъ холодный ужасъ: если несуществующій корпусъ беретъ въ плѣнъ 7,000 человекъ, то сколько можетъ взять существующій?

И ты, Брутъ!

И ты, Брутъ!

Изъ Берлина телеграфируютъ:

Князь Бюловъ, бесѣдуя съ журналистами, заявилъ, что всѣ успѣхи, достигнутые имъ въ Италіи, были уничтожены образомъ дѣйствій австрійскаго правительства.

„Къ сожалѣнію, — сказалъ кн. Бюловъ, — австрійцы храбры лишь только на словахъ, а отнюдь не на дѣлѣ“.

И ты, Брутъ?

Коемуждо воздастся по дѣломъ его.

Въ Берлинѣ открыта національная подписка на подарокъ экипажу подводной лодки, потопившей „Лузитанію“.

Не знаемъ, какого рода будетъ этотъ подарокъ. Нашъ по этому поводу совѣтъ: купить пукъ хорошихъ пеньковыхъ веревокъ и приодѣть весь экипажъ въ соответствующіе галстуки.

Дешево и сердито.

Вильгельмъ Гогенцоллернъ — ханжа.

Кстати, по поводу потопленія „Лузитаніи“ выясняются любопытныя вещи:

Максъ Баллинъ, личный другъ Вильгельма, главный директоръ гамбургско-американской линіи, вель долгие и тщетныя переговоры съ личной канцеляріей императора касательно отмѣны приказа объ охотѣ на „Лузитанію“. Онъ доказывалъ, что такая побѣда стоитъ поражения. Императоръ написалъ тогда:

„Старый Максъ не долженъ забыть охоты англичанъ на моего бѣднаго „Эмдена“. За него надо отомстить. Господь да накажетъ англичанъ!“

И флотилія подводныхъ лодокъ вышла въ море, чтобы торпедировать несчастный пассажирскій пароходъ.

Обѣщана была награда, которую и получилъ Ведемюллеръ. Но, какъ извѣстно, онъ отъ нея отказывается, приписывая „честь“ потопленія судна капитану лодки „U 14“.

Нѣмецъ, а поди жъ ты: свою совѣсть имѣть.

„Гей, славяне!“

Кромѣ болгарской простокваши, существуетъ еще болгарская подлость...

Изъ газетъ:

Положительно извѣстно, что на-дняхъ изъ Германіи въ Турцію черезъ Болгарію отправлено пять орудій четырнадцатидюймоваго калибра и 8 вагоновъ снарядовъ къ этимъ орудіямъ.

Смѣшнѣе всего будетъ, если когда-нибудь турки будутъ стрѣлять изъ этихъ орудій по болгарамъ.

Преодоленіе раздѣляющаго.

„Нов. Время“ пишетъ:

Какъ извѣстно, выходившія до послѣдняго времени рижскія нѣмецкія газеты „Rigasche Rundschau“ и „Rigaer Tageblatt“ недавно закрыты на все время военнаго положенія. Но предусмотрительный издатель „Rigasche Rundschau“ заблаговременно получилъ разрѣшеніе на газету на русскомъ языкѣ и сталъ выпускать вмѣсто „Rundschau“ — „Рижское Обзоріе“.

Интересна статья отъ редакціи новаго органа. Стараясь выразить свою нѣмецкую программу русскими словами, газета торжественно заявляетъ:

„Теперь не время для стремленій къ національному обособленію среди многонароднаго населенія Россіи. Нужно стремиться повсюду и всегда къ преодолѣнію всего раздѣляющаго и къ утверженію и усиленію всего объединяющаго“.

Читатели „Rigasche Rundschau“ — нѣмецкіе колонисты, какъ извѣстно, въ послѣдніе дни германскаго нашествія хорошо осуществили эту программу „Рижскаго Обзорія“.

Они „преодолѣли все раздѣляющее и усилили все объединяющее“. вслѣдъ за безпорядочно отступавшими германцами колонисты тоже бѣжали...

„Американскіе жители“.

„Daily News“ сообщаетъ, какъ американцы относятся къ нѣмцамъ послѣ потопленія „Лузитаніи“:

Мужчины попрежнему продолжаютъ встрѣчаться въ клубахъ, но насколько „дружественны“ эти встрѣчи — показываетъ рассказъ одного американца о посѣщеніи его клуба германскимъ посланникомъ въ Вашингтонѣ Бернсдорфомъ.

— Едва г. Бернсдорфъ появился въ залѣ, какъ мгновенно наступило молчаніе. Посланникъ подошелъ къ одной группѣ, — она тотчасъ же разсѣялась. Подошелъ къ другой, — то же самое. При приближеніи посланника игроки вышли изъ-за карточныхъ столовъ. Бернсдорфъ могъ подумать, что онъ попалъ въ царство тѣней и имѣть дѣло съ призраками, разбѣгающимися при приближеніи живого чело-вѣка.

Сомнѣваемся, чтобы самое толстокожее животное, въ концѣ концовъ, не взбѣсилось отъ такого обращенія.

И еще:

Нѣмецкій посланникъ поддерживалъ дружескія отношенія съ одной дамой-американкой, владѣлицей великолѣпной виллы въ Нью-Портѣ, гдѣ посланникъ любилъ проводить праздничные дни.

Въ самомъ разгарѣ войны, когда общественное мнѣніе нейтральныхъ державъ стало замѣтно клониться не въ пользу Германіи, посланникъ вздумалъ провести на любимой виллѣ одно изъ воскресеній. Хозяйка виллы, чтобы создать высокому гостю достойный антуражъ, разослала пятьдесятъ приглашеній къ обѣду и получила... пятьдесятъ отказовъ.

И еще:

Характеренъ въ смыслѣ проявленія американскихъ „симпатій“ и инцидентъ на ежегодной нью-йоркской выставкѣ цвѣтовъ.

Передъ открытіемъ выставки комитетъ поднялъ вопросъ о томъ, чтобы весь доходъ отъ продажи цвѣтовъ и входныхъ билетовъ былъ отданъ на нужды Краснаго Креста.

Предложеніе было единогласно принято. Стали распределять дни. Первый день — въ пользу англійскаго Краснаго Креста, второй — въ пользу русскаго, третій — въ пользу французскаго, затѣмъ — бельгійскаго, сербскаго и т. д.

Всѣ дни были распределены, какъ вдругъ послышался чей-то нерѣшительный голосъ:

— Мы забыли германскій Красный Крестъ.

Наступило неловкое молчаніе.

Сборъ въ пользу германскаго Краснаго Креста былъ назначенъ на послѣдній день выставки.

Увы! Къ этому дню цвѣты поблекли.

Много еще цвѣтовъ поблекнетъ у нѣмцевъ, и боль этого ощутятъ они только послѣ войны.

Бытовое.

На окончившемся процессѣ Ольги Штейнъ одинъ свидѣтель очень живописно рассказывалъ, какъ онъ сваталъ Ольгѣ Штейнъ какого-то барона:

Состоялись смотрины „невъсты“. Она угощала, было и вино.

— „А она очень симпатичная“, — продолжаетъ свидѣтель, — сказалъ мнѣ баронъ.

А я ему и говорю: — „Это мнѣ не нравится, что она произвела на васъ симпатичное впечатлѣніе. Будьте осторожны“.

На другой день я позвонилъ къ Штейнъ. Я сказалъ ей о впечатлѣніи барона, но добавилъ, что баронъ желаетъ лишь ея денегъ. „Вотъ чудакъ, — заволновалась она, — гдѣ же онъ найдетъ лучшую женщину, чѣмъ я! Да, впрочемъ, это пустяки, онъ мнѣ не понравился, онъ слишкомъ худъ и плохо говоритъ по-английски. Я не желаю выходить за него замужъ“.

Будь это не малосообразительный свать, а расторопная сваха изъ гоголевской „Женитьбы“, она бы нашла, что возразить:

— Что жъ тутъ худого, что не говоритъ по-английски.

Понятливѣе по-русски, потому и говорить по-русски. Ужъ тутъ нечего толковать про русскую рѣчь, — рѣчь извѣстно какая: всѣ святые говорили по-русски.

Крикъ души.

Одинъ изъ докладчиковъ будущаго театральнаго съѣзда рассказалъ случай, который долженъ быть близокъ сердцу каждаго любящаго выпить:

— Какъ-то я выступалъ въ одной деревнѣ передъ крестьянской аудиторіей. Въ старой пьесѣ Салова я изображаю пропащаго алко-голика. — Дайте, — пристаю я по пьесѣ къ шинкарю, — дайте полштофа, — вѣдь жжетъ...

Но шинкарь неумолимъ, а я опять молю: „Поймите, вѣдь жжетъ“, — уже плачу я.

Вдругъ изъ публики выскакиваетъ мужиченка въ лаптяхъ и кричитъ шинкарю:

— Дай же ему, чортъ, вѣдь жжетъ...

Никто такъ не сумѣетъ войти въ положеніе ближняго своего, какъ русскій человѣкъ...

Рис. С. Судейкина.

МИРНОЕ ЖИТИЕ.

Ужъ отошли обѣдни,
Ужъ день сталъ веселѣй,
Сидитъ, какъ и намедни,
Купчиха у дверей.

Напившись чаю славно,
Надѣвши шаль-платокъ,
Анфиса Николавна
Берется за «Листокъ».

Читать — такъ прямо жутко!
— Чортъ — нѣмцу подлецу!

А ухо ловитъ чутко:
«Пять фунтовъ кострецу».

Кострець, австрійцы, турки,
И пушки, и салатъ...
А въ лавкѣ быстро шкурки
Дерутъ, дерутъ съ телятъ!

Анфиса на скамейкѣ
Сидитъ, шепча въ платокъ:
«На фунтикъ по копѣйкѣ,
А мяснику — домокъ!» А. Радаковъ.

ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВО ЭКОНОМІЯ.

Нѣмецкій генераль: — А этотъ солдатъ куда раненъ?
 — Въ ротъ, г. генераль. Ничего ѣсть не можетъ.
 — О, въ такомъ случаѣ эта рана заслуживаетъ Желѣзнаго Креста.
 — Почему же, г. генераль?
 — Очень просто: такая рана даетъ намъ возможность экономить съѣстные припасы!..

ПЕРЬЯ ИЗЪ ХВОСТА.

Тонкая острота, не правда ли? Такая тонкая, что, какъ мы ее ни вертели, въ сущность ея, все-таки, проникнуть не могли:

„Въ ресторанѣ, на Морской. Входитъ финансистъ.
 — Этотъ штоль занять?..“

Вотъ и все.
 Такъ острить „Петроградск. Газета“. Суди ее за это Богъ.

Одна царицынская газета, сообщая о похоронахъ тюремнаго зрителя, пишетъ, что на гробъ покойнаго почитателями (?) возложены вѣнки.
 Оказывается, и тюремный зритель можетъ имѣть своихъ почитателей.

Стиль кременчугской газеты:
 „Зеркало сатиры отразило, намъ и всегда, лишь самой отечественной подлинности.“

Бѣгутъ годы, мелькаютъ десятильтія.
 И лишь надъ нами, нѣмымъ истуканомъ, виситъ духъ рутины, льни духовныхъ сліяній.“

Котора человекъ писать не выходитъ, то нужно другой работа дѣлать.

Редакторъ „Новаго Сатирикона“
 принимаетъ по средамъ, отъ 2 до 4 час.,
 въ помещеніи редакціи (Невскій, 88.)

Почтовый ящикъ „НОВАГО САТИРИКОНА“.

(Непринятія рукописи не возвращаются по почтѣ, даже при условіи присылки марокъ.)

Редакція не принимаетъ на себя обязательства давать письменные отвѣты на запросы случайныхъ сотрудниковъ. Рукописи, не востребованныя въ теченіи 3-хъ мѣс., уничтожаются.)

А. Петроградъ.

Миша М. — У Миши М. въ разсказѣ фигурируетъ красавица, у которой „сверкнули два ряда янтарныхъ (?) зубовъ“.

Зайдите, Миша, въ какой-нибудь табачный магазинъ и попросите показать вамъ янтарный мундштукъ. Взглянувъ на него, вы, Миша, поймете, что наши съ вами пути разойдутся навсегда.

V. Z-овичу. — Вотъ, чѣмъ кончается попытка „попробовать писать стихи“:

Весна? А я ея не вижу.
 И у окна я на пугать
 Гляжу, а тетка у карниза
 Снимаетъ палкой (?) пыль.

Мы того мнѣнія, что ваша тетя могла сдѣлать изъ палки совсѣмъ другое употребленіе.

Пупичу. — Θεодосійцу. — Вас. Остров. Б. О. — Не подошло.

Б. Москва.

Автору „Записокъ покойника“. А. З.; З. З.; А. Б. В. — Не подошло.

Ave.

Редакторъ А. Т. Аверченко.
 Издатель Т-во „Н. Сатириконъ“.

3-й годъ изданія.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
 на еженедѣльный журналъ САТИРЫ и ЮМОРА

3-й годъ изданія.

3 ЦѢННЫХЪ ПРЕМІИ

„НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“

3 ЦѢННЫХЪ ПРЕМІИ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ (безъ доставки) 6 руб. Съ пересылкой и доставкой 6 руб. 50 к., на полгода 3 руб. 25 к., на 3 мѣс. 1 руб. 75 коп., на 1 мѣс. 60 коп.

Адресъ конторы и редакціи: Петроградъ, Невскій, 88. Телефонъ № 59-07.

Гдѣ бываютъ артисты и писатели ?
за завтракомъ, обѣдомъ и
ужиномъ

ВЪ РЕСТОРАНѢ
И. С. СОКОЛОВА.
Ул. Гоголя, 13. Тел. 477-35, 29-65 и 182-22.

Комфортабельные
кабинеты.
Ресторанъ открытъ до 2 час. ночи.

Золотая медаль — Лондонъ, 1893 г.

! ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДДѢЛОКЪ !

ПРОВИЗОРА
Г. Ф. ЮРГЕНСЬ
БОРНО-ТИМОЛОВОЕ МЫЛО

отъ ПОТА, ЗАГАРА, ВЕСНУШЕКЪ,
УГРЕЙ, ПРЫЩЕЙ и ЖЕЛТЫХЪ
ПЯТЕНЪ.

БЛАГОВОННОЕ ТУАЛЕТНОЕ МЫЛО
ВЫСШАГО ДОСТОИНСТВА

ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ
1 кус. 50 к. 1/2 кус. 30 к.

Главный складъ у Г. Ф. Юргеня, Москва.

ФОТОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА съ рисунками.

Фотографъ-любит., Анцова — 50 к. Ретушь-любит., Анцова — 30 к. Ретушь и раскрашивание фотографій — 60 к. Спутникъ фотографа, Давидъ — 1 р. Какъ исправ. неудачные негативы, Евдокимова — 50 к. Копированіе чертежей, Колсонъ — 30 к. Химія фотографа, Конвицка — 30 к. Фотографическія бумаги, Ламтева — 65 к. Моментальная фотографія, Шмидтъ — 40 к. Фотографія для начинающихъ любителей, Шмидтъ — 60 к.

Пересылка 1 кн. — 18 к., 2 кн. — 22 к., 3 кн. — 26 к., 4 кн. — 30 к., 5 кн. — 34 к. Бал. плат. на 10 к. дороже. При заказѣ на 3 р. пересылка бесплатно. Полный каталогъ высылается даромъ.

Фотографическимъ складамъ — издательская скидка.

Высылаетъ техническій книжный складъ М. ПЕТРОВА.
Петроградъ, Б.-Подъяческая ул., 19. ☆ Москва, Волхонка, 1 уг. Знаменки.

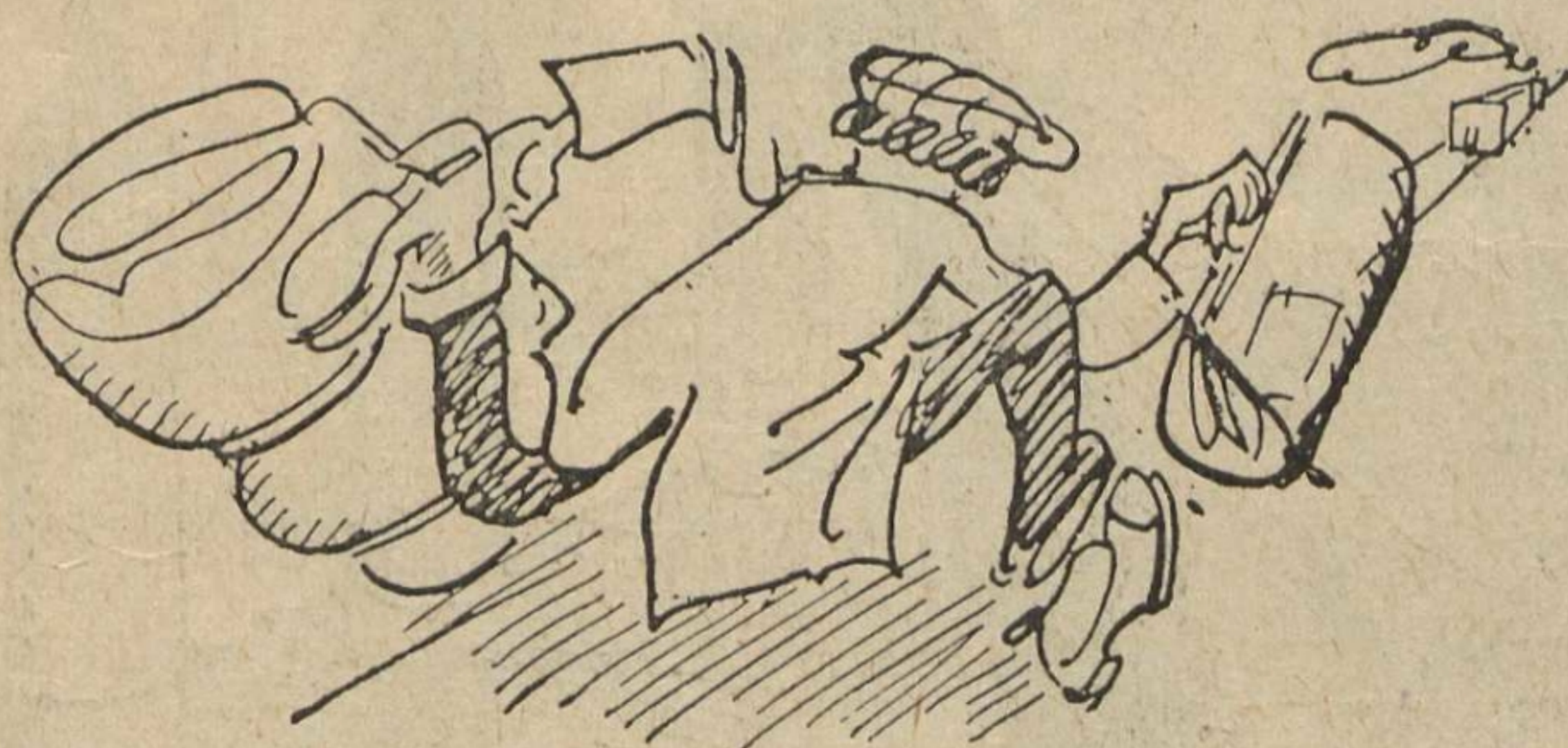
ИЗДАТЕЛЬСТВО „НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“.

Петроградъ, Невскій пр., 88. — Телефонъ 59-07.

Выписывающіе со склада издательства за пересылку не платятъ. Суммы до 10 руб. можно высылать марками почтовыми и гербовыми.

— НОВОСТЬ —

вышла въ свѣтъ и поступила въ продажу
НОВАЯ КНИГА:

АРКАДІЙ АВЕРЧЕНКО.

САТИРИКОНЦЫ ВЪ ЕВРОПѢ.

Съ иллюстраціями А. РАДАКОВА.

Цѣна книги 1 руб. 25 коп.

АРКАДІЙ АВЕРЧЕНКО.

О хорошихъ въ сущности людяхъ.

7-е изданіе. — Цѣна 1 р. 25 к.

КРУГИ ПО ВОДѢ.

16-е изданіе. — Цѣна 1 р. 25 к.

ВОЛЧЬИ ЯМЫ.

Цѣна 50 коп.

ВЛАДИМИРЪ ВОИНОВЪ.

„СОЛНЕЧНЫЕ РАЗСКАЗЫ“.

Цѣна 1 р. 25 к.

И. ГУРЕВИЧЪ.

СИГНАЛЬНЫЯ РАКЕТЫ.

Цѣна 1 р. 25 к.

ТЭФФИ.

ДЫМЪ БЕЗЪ ОГНЯ.

6-е изданіе. — Цѣна 1 р. 25 к.

И СТАЛО ТАКЪ.

6-е изданіе. — Ц. 1 р. 25 к.

КАРУСЕЛЬ.

3-е изданіе. * Цѣна 1 р. 25 к.

НИЧЕГО ПОДОБНАГО.

Цѣна 1 руб. 25 коп.

ПЕЧАТАЕТСЯ И ВЪ СКОРОМЪ ВРЕМЕНИ ВЫДЕТЬ ВЪ СВѢТЪ

Спеціальный выпускъ Дешевой библиотеки:

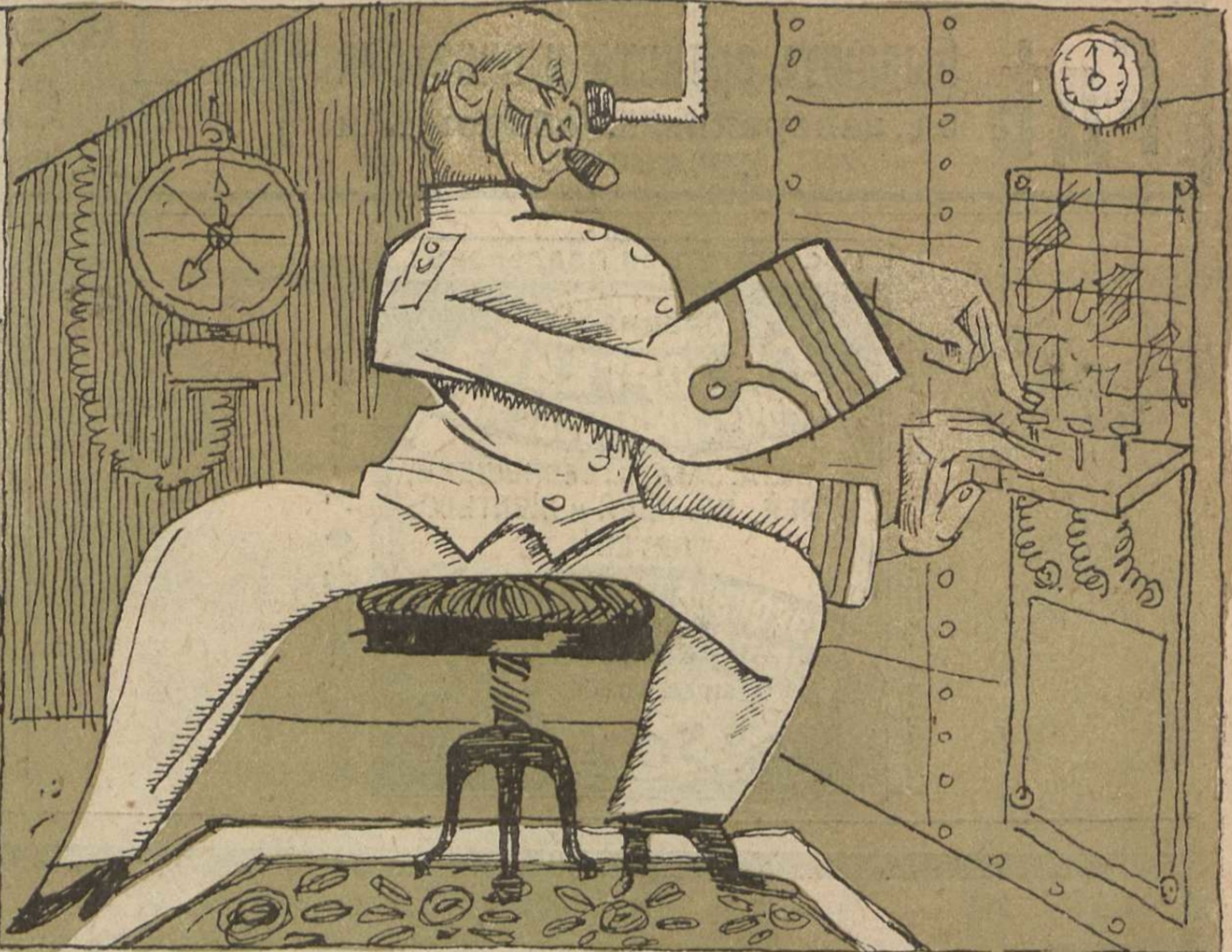
ТЭФФИ.

ЗАРЕВО БИТВЫ.

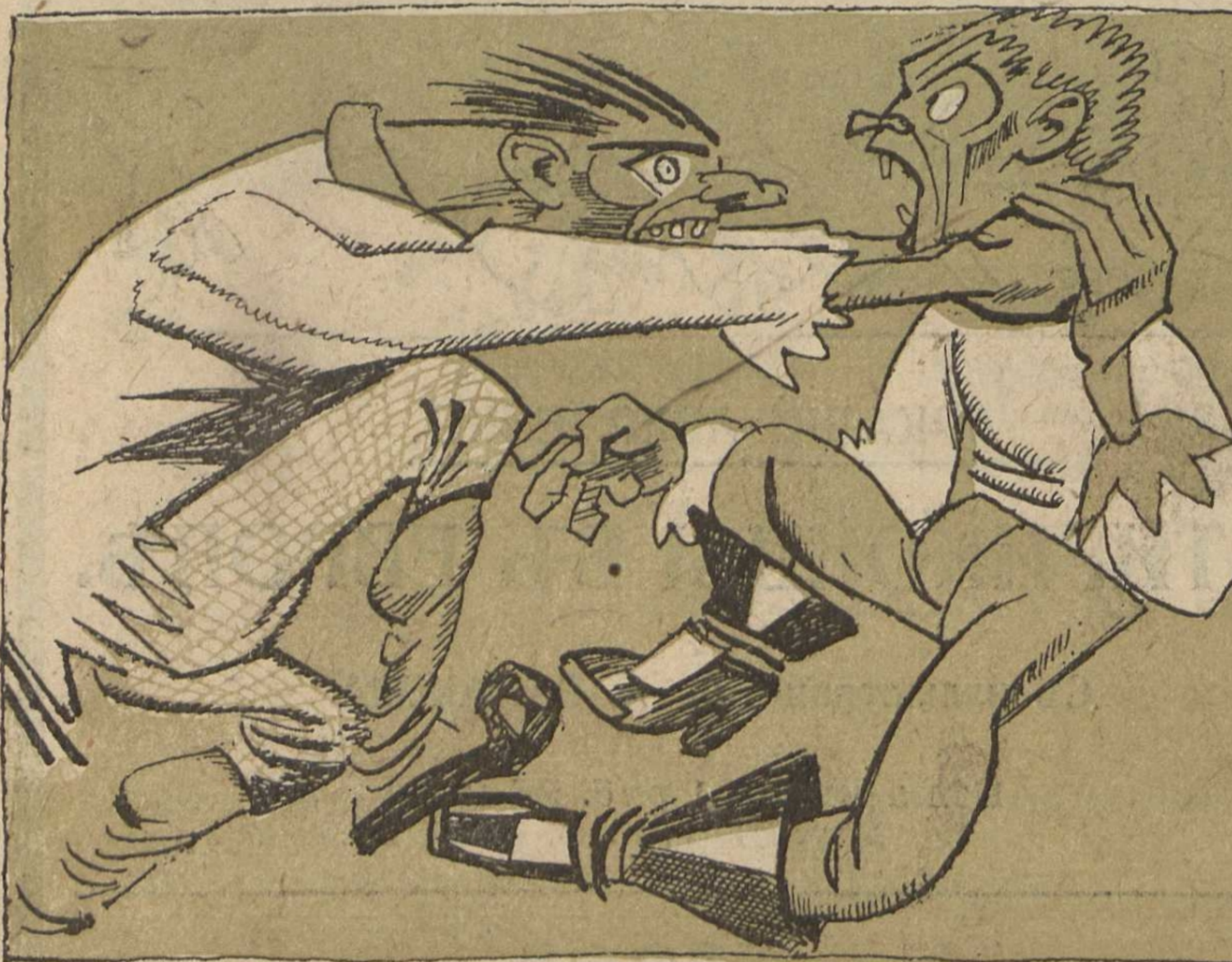
Цѣна 10 коп.

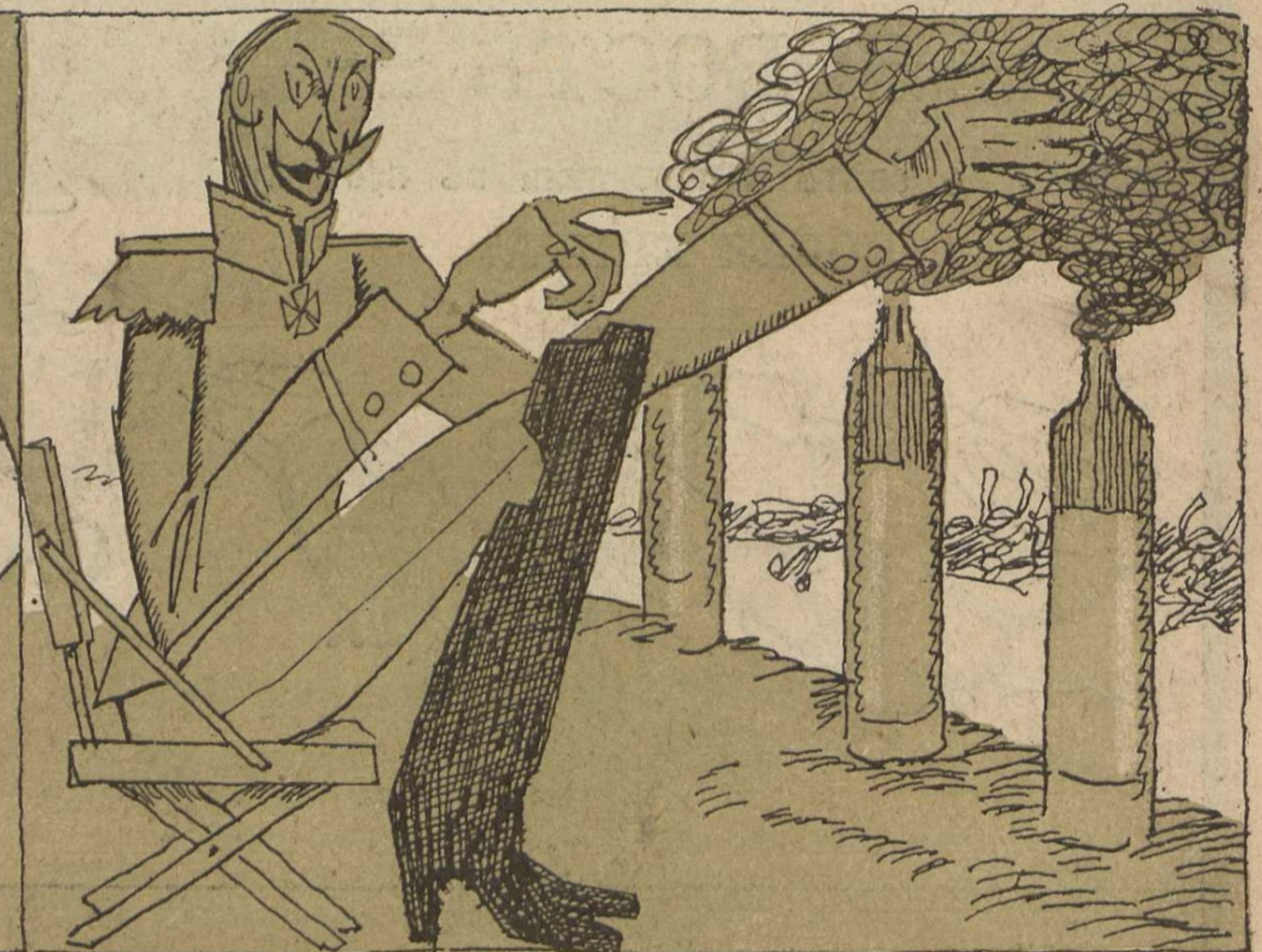
При Иродѣ избивали дѣтей... О, какой былъ это ужасъ! Кровь, крики дѣтей и матерей... — фи!!...

Теперь мы это дѣлаемъ просто и чисто: нажимается кнопка, выпускается мина — и тысячи дѣтей и взрослыхъ идутъ ко дну.

Раньше разбойникъ душилъ руками. Выкатившіеся глаза жертвы, хрипъ, стоны, судороги ... бррр...

Какое же сравненіе теперь?! Изобрѣли ядовитые газы, поставили, дождался подходящаго вѣтра и — готово!.. Чисто, хорошо, безъ хлопотъ задыхаются тысячи людей! Ночь, нѣмецкая цивилизація!

Раньше отравятъ одного жалкаго человѣка, — и извольте любоваться его судорогами... противно и некультурно...

А теперь посыпятъ въ колодець или въ рѣку этакого красиваго бѣлаго порошку — и готово: чистенько, мило и самъ въ сторонѣ...

Да, великое дѣло — цивилизація! Она позволитъ намъ, нѣмцамъ, послѣ войны, явиться чистенько и прилично одѣтыми и погладить „голубку мира“ нашими цивилизованными руками, не боясь запачкать ея бѣлоснѣжныхъ перьевъ кровью!